

Единство противоположностей

Текст: Глеб Смирнов

Санкт-Петербург – Северная Венеция. Искусствовед **Глеб Смирнов** взялся опровергнуть этот набивший оскомину стереотип и нашел по меньшей мере десять отличий российского города от итальянского.

57

«Санкт-Петербург – Северная Венеция» – просто красивый слоган. Зуд к сравнению в нас неистребим, а ведь любые сравнения порочны. «*Si duo faciunt idem, non est idem*», – говорили древние: «Если двое делают одно и то же – это не одно и то же». Профанное сознание всегда сближает, ищет параллели. Если одно событие произошло раньше, естественно думать, что оно повлияло на другое, более позднее. Но это логическая ошибка. В логике есть такое правило: «Если после, то не обязательно вследствие».

Отличие первое: Венеция – город на воде, Петербург – город на земле.

Построить город на воде или у воды – естественней, чем изобрести колесо. Вон, Мантуя тоже окружена водой. Тогда уж ближайшие родственники Венеции – средневековые замки со рвами. А в Брюгге вообще каналов больше. Петербург же очень относительно стоит на воде, просто расположен в дельте. Таких городов у моря много – та же Александрия. Шанхай, Стокгольм и Гамбург расположены на островах, и что теперь? К тому же в Петербурге ты себя чувствуешь на земле, а не на воде. Влагу свою он отрицает, подавил ее гранитом. Набережные не обжиты. Общественного транспорта на воде практически нет. В Марселе, Барселоне или Сочи присутствие моря в жизни города гораздо ощутимей. А вот Венеция – действительно на воде. Пока не заложили множество каналов в XIX веке, из пункта А в пункт Б невозможно было пройти, не воспользовавшись услугами гондольера. Свистнешь – и он тебя за копейку перевезет на другой берег (веками это были самые низкооплачиваемые работники, не то что сейчас). Главный вход в любой венецианский дом всегда был с воды. И вообще, патриции никогда не ходили пешком. Только на гондолах. Полулежа на подушечках. По улице с заднего входа входила только прислуга. Люди в лагуне до сих пор ловят себе на ужин осьминогов и рыбешку. И это не чудаки какие-нибудь, как в Питере («*маленькая рыбка, бедный мой карась, где твоя улыбка,*

что была вчерась»). Венеция действительно живет на воде, и настоящее ее лицо видно только с воды.

Отличие второе: Венеция – город органичный, Петербург – город измышленный.

В отличие от всех других городов Петербург предначертан и построен «сверху», насильем, Венеция – «снизу», чтобы насилия избежать. Она появилась потому, что в 411 году окрестный народ спасал шкуру от орд Аттилы, ища убежища в лагуне – не для того, чтобы грозить надменному соседу, а чтобы уйти от опасности.

Венеция, как ребенок, не запланированный родителями, – дитя случайности. Собственно, она так и не вышла из материнского лона, плещется до сих пор в околородных водах. Уж не знаю, с чего это в очертаниях Венеции усматривают какую-то рыбу. На самом деле это эмбрион, сами посмотрите. Что и объясняет ее, Венеции, насыщенную утробность. «*Город, где нас искать не станут*» – лучшее определение Венеции из мне известных. Спрятались, «я в домике».

Урбанистика Венеции никогда не знала «генерального плана», в отличие от Петербурга, где сперва построили город, а потом провели каналы. Мост Риальто строится только при доже Анджело Партечипацио в IX веке (прошло уже добрых три с лишним века с момента основания города). Большой канал решено было сделать главной артерией города только потому, что она уже сама собой сложилась. Венеция настолько прихотлива, что у нее даже нет единого центра. Их ровно три: деловой – рынок при Риальто (в свое время Сити всей Европы), политический – Сан-Марко, религиозный – Сан-Пьетро на самом отшибе (чтобы подчеркнуть светский характер государства). Здесь нет ни одной прямой линии, все фундаменты и карнизы как будто из пластилина, ибо органично следуют линии намывных течением островов – отсюда хитросплетение каналов, капиллярная система. Это в буквальном смысле слова органичный город. В отличие от Петербурга, где прямые углы, прямые линии, все

хорошо просматривается. В Петербурге точно не потеряешься. Но и не юркнешь никуда.

А здесь – сплошной чулан. Тут все боятся потерять, а на самом деле это город, в котором можно и нужно теряться.

В Венеции на фасаде или двери дома можно увидеть бумажку с извещением о том, что кто-то умер, или бантик – знак, что кто-то родился: если розовый – девочка, голубой – мальчик. Люди переговариваются через улицу из окон. Весь город – как большая коммунальная квартира с улицами вместо коридоров и площадями, похожими на огромные кухни, где можно посудачить на воздухе.

59

На мосту Риальто дома нависли над водой – город как бы расставил ноги над каналом. Мост Академии – тоже не мост, а смотровая площадка и место встреч. Всего этого в Петербурге нету. Его красота – красота идеи, Венеция – красота безыдейного долготерпения. К ней больше всего подходит сравнение со сталактитом в гроте – накапало веками.

Отличие третье: петербургская архитектура – архитектура ансамбля, венецианская архитектура – архитектура особняка.

Показательна история палаццо Гримани, который был построен напротив дворца родовитого семейства Капелло. А Гримани сватались к Капелло. Они были нувориши и хотели с помощью альянса со старой знатью закрепитесь в обществе. Капелло решили, что это будет неравный брак: *«Кто вы такие, мы не уверены, что вы нашу высокородную дочку сможете содержать на приличествующем ей уровне»*. *«Ах так!»* – сказали Гримани. И начали строить дворец напротив Капелло, дав архитектору распоряжение, чтобы каждое окно было аккурат такой же высоты, как парадный

вход дворца обидчиков. Утереть соседу нос – девиз этой урбанистики.

Другое дело Петербург, где во главу угла был поставлен версальский принцип ансамбля, то есть архитектурного общежития. Закон и Табель о рангах – идея петровского проекта. В Петербурге отдельных архитектурных красот в отрыве от контекста нет. Когда смотришь на стрелку Васильевского острова, наполняет восторгом ансамбль, а не конкретные здания.

Отличие четвертое: Венеция – город романтизма, Петербург – классицизма.

Венеция – город романтического мироощущения. Я имею в виду романтизм как литературно-художественное направление, не бытовую романтику. В Венеции у каждого дома своя крыша пирамидкой («я сам по себе»). Посмотрите из моего окна на линию крыш вдоль всей Джудекки – она ломкая и прихотливая. Ни один мост не похож на другой. У каждого здания свое лицо. Даже у простых домов, очевидно построенных без участия архитектора, свой карнизик, свои окошечки. Во всем присутствует некая рукодельность. В Петербурге дома, разумеется, тоже разные, но общее впечатление такое, что это все конвейерное производство. В Петербурге дома выстраиваются в шеренгу. У них как бы общая крыша. Все подогнано во фронт. И жизнь людей тоже подчинена какому-то общему, безличному закону. Очень характерный петербургский миф есть у Татьяны Москвиной в *«Табеле о нравах»*. Как люди женятся в Петербурге? Молодой человек пришел в гости к девушке, опоздал на развод мостов, пришлось заночевать у нее. Так и поженились.

Отличие пятое: Петербург – город служивых людей, Венеция – город частных лиц.

В Венеции правила движения водного транспорта заменяет закон осмотрительности и предупредительности. В свободном порту с правом беспрошльного ввоза и вывоза товаров работали, а не ходили «на службу». В до-

Импульс Петербурга – не собирание пространства в точку, как в Венеции, куда отовсюду свозили добро, а разброс директив по необъятной территории.

60

революционном желто-имперском СПб как бы нет коммерции, он ведь задуман как столица чистой трансцендентной власти, а магазины – это так, что-то привозное. Да и вывески все по-французски – мол, это из другого мира, низовая и чуждая область жизни. Кстати, о желтом. Нынешний государственный флаг РФ – триколор, развевающийся над Зимним, – изначально был флагом русского торгового флота, т. е. символом коммерции. В царские времена над Зимним дворцом реял на ветру золотой стяг с черным двуглавым орлом. Именно в Петербурге этот символ, впервые с тех пор как исчезла Византия, обрел смысл и означал священное двоевластие: помазанника Божьего и власти Закона. Неудивительно, что над современной меркантильной, мягко говоря, Россией развевается триколор. Но Петербургу он вопиюще не идет. А вот Венеция – апофеоз частного предпринимательства и семейного процветания. Что до флагов, то у каждого палаццо они были свои – цвета фамильных гербов (эта пестрота сохранилась и донине на разноцветных столбах-привязях для лодок при каждом патрицианском дворце).

Отличие шестое: Венеция – республиканский Рим, Петербург – имперский Рим.

Всякий амбициозный государственный проект держит в уме Рим. Вон, и глава Америки заседает не где-нибудь, а на «Капитолии»... В градостроительную основу Петербурга положен римский трезубец. Главные ворота, через которые до изобретения железных дорог въезжал иностранец в Рим, – Северные, и от них отходят три улицы: *via di Ripetta*, *via del Corso*, *via del Babuino*. В Петербурге от Адмиралтейства точно так же отходят Невский, Гороховая и Вознесенский. Адмиралтейство – ворота Петербурга, потому что это все-таки порт. Петр даже герб перебирает у Рима: в Петербурге – два скрещенных якоря, у столицы римско-католического государства – два перекрещенных ключа. Святого Петра ключи, кстати. А столицу Петр

назвал не своим именем, а как раз именем Святого Петра, покровителя Рима. «*Ты – Петр, и на камне сем построю...*»

Тема Санкт-Петербурга – это, конечно, государственничество. Петербург стал рассылать свой модуль-циркуляр по всей дворянской служилой России: так появились палладианские усадьбы (дворянские дома непременно с колоннами), строившиеся по всей стране, как расходящиеся от СПб концентрические круги римской имперской идеи. Импульс Петербурга – не собиранье про странства в точку, как в Венеции (сюда все свозили и сваливали накопленное добро), а разброс директив по всей необъятной территории страны.

На одной набережной с Дворцом дождей, цитаделью исполнительной и законодательной власти, стояли приют для сирот и подкидышей, лавки, торгующие просекко, и дом, где, по приглашению Республики, гостил элегический поэт Петрарка. Мыслимо ли такое рядом с Зимним? Нет, тут чопорные «посольства полумира» и сенат с синодом. А где в Петербурге тюрьма для государственных преступников? Я лично не знаю, зато, как и вы, знаю, где она в Венеции. Через дорогу от главного правительственного здания: вот тебе Дворец дождей, властвуй на здоровье, а вот, через канал с красивым мостиком, тюрьма: здесь будешь сидеть в каземате, кем бы ты ни был по рангу, если близость к рычагам высшей власти обратишь в личный бизнес. И ох как боялись туда загнать: сидели в застенках недолго, ибо, доказав вину, в тюрьме же и удавливали, тихо и деловито. В Венеции верховная власть принадлежала представителям аристократических семейств. В самом начале существования города было решено обустроить его по образцу древнего республиканского Рима, не допустить цезаризма-самодержавия, захвата власти одной семьей-династией. Эта схема показала свою жизненность. В Венеции за все время ее существования (почти полторы тысячи лет) не было ни одной революции снизу и только две

62

попытки госпереворота, пресеченные в корне.

Отличие седьмое: Петербург – город серый, Венеция – город цветной.

Венеция по своему колориту в принципе – восточный город. Тут можно вспомнить, что все ее фасады были в орнаментальных фресках (это есть на картинах Карпаччо), повсюду на балконах развешивали ковры и разводили на крышах висячие сады.

Петербург – город серый. Причем в метафизическом, драгоценном смысле. Дело не в погоде, а в том, что он единообразен. Стильно одетый человек одет неброско. Кстати, раньше Петербург был преимущественно бе-

ло-желтым. Белый – это колонны. Желтый – цвет ампира. А что такое ампир? От французского *empire* – империя. То есть желтый – переведенный на бытовой язык золотой (все казенные здания и резиденции высшей аристократии в столице другой империи Вене были желтыми). Теперь Петербург – не то какая-то хохлома и павловопосадский платок. Раскраской он скорее напоминает Бурано.

Отличие восьмое: Петербург – для мужественных людей, не позволяющих себе слабостей, Венеция – для женственных гедонистов и меланхоликов.

Депрессия – нецелесообразное занятие, а значит, для Петербурга чуждое. Люди должны вставать с утра и идти на службу. В Петербурге это именно не работа, это служение, которое в идеале даже не должно ничем оплачиваться, кроме радости принадлежности к трансцендентности, государству, к Левиафану. Петербург возвеличивает людей. И уважающий себя человек (это комплимент Петербургу) должен жить именно здесь. А гедонист должен жить в Венеции. Петербург – город не гедонистический. Это город неудобный, жесткий, как ампириная мебель, и дисциплинирующий. Мягко он не стелет. Это аристократический город. Здесь нет уютных диванчиков для неги негодянта. Венеция же везде тебе пуфик подставляет под попу. На каждый мостик хочется сесть, целоваться вместе со всеми у перил. Но к Венеции приложимо понятие меланхолии. Она возникает от ежедневной встречи с огромным количеством неповторимых красот. Ты приходишь в отчаяние от того, что не сделаешь ничего хотя бы отдаленно сравнимого с тем, что видишь.

Отличие девятое: самоубийца в Петербурге – преступник, в Венеции – романтик.

В Петербурге заканчивать жизнь самоубийством надо запретить. Разве что из патристических соображений. Но в принципе это неправильная модель завершения существования в этом городе. Никакой он не

неврастенический и не «достоевский». Самоубийство абсолютно не в эстетике классицизма. Вот именно поэтому его нужно запретить. Всех самоубийц предлагаю наказывать смертной казнью. Покончить жизнь самоубийством приятней в Венеции. Не из-за депрессии, не из-за несчастной любви. Из соображений литературных. Примерно как это описал Бродский в «*Набережной неисцелимых*». Потому что это в тон городу.

Отличие десятое: Венеция – город художников, Петербург – город поэтов.

Первый русский поэт Антиох Кантемир, с которого, собственно, все началось, был петровским сподвижником. Венеция же не дала ни одного крупного поэта (в отличие от Флоренции, которая производила их десятками) и практически ни одного писателя или философа. Ну не театрала-фантаста же Гоцци причислять к литераторам или эпигона французов Гольдони? Зато в Венеции народилось множество художников... Имперский дискурс – дискурс дисциплины, укрепления топкой почвы латинским фундаментом закона. Настоящий поэт тоже вгоняет слово в прокрустово ложе рифмованного столбика. Живопись больше относится к умению распушать ресницы, купать глаз и наслаждаться жизнью, что опять-таки очень подходит гедонистической Венеции. В поэзии же, чтобы получалось, надо скорее страдать, чем наслаждаться. Петербург как монументальный манифест имперского пространства – питательнейшая среда для поэзии, которая и есть дисциплина в чистом виде.